

Виталий
ВУЛЬФ
Серафима ЧЕБОТАРЬ

ВЕЛИКИЕ
мужчины
XX века

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2023

УДК 929"19"
ББК 63.3(0)6-8
В88

Вульф, Виталий Яковлевич.

В88 Великие мужчины XX века / Виталий Вульф, Серафима Чеботарь. — Москва : Яуза-пресс, 2023. — 688 с.

ISBN 978-5-9955-1084-0

Заключительная книга знаменитого телеведущего, образующая своеобразную диологию с бестселлером «Великие женщины XX века». Это — собрание портретов величайших мужчин столетия. Уинстон Черчилль и Ф.Д. Рузвельт, Чарли Чаплин и Марлон Брандо, Эрнест Хемингуэй и Дж.Р.Р. Толкин, Альберт Эйнштейн и Сергей Королев, Марк Шагал и Пабло Пикассо, Элвис Пресли и Майкл Джексон...

Их имена вписаны в историю золотом. Они вершили судьбы мира, науки и культуры. Они меняли границы государств и расширяли границы возможного. Они стали «визитной карточкой» своей эпохи, наиболее полно выразив «дух времени». Вспоминая XX век, наши далекие потомки будут судить о нем по героям этой книги.

УДК 929"19"
ББК 63.3(0)6-8

ISBN 978-5-9955-1084-0

© Вульф В.Я., Чеботарь С.А., 2015
© ООО «Яуза-пресс», 2023

Театр и кинематограф

*

Чарльз Спенсер Чаплин

Жан Марс

Марлон Брандо

Юл Бриннер

*

Чарльз Спенсер
ЧАПЛИН

Великий Немой

Миллионы знают Чарли Чаплина как гениального американского актера-комика. Трогательный неудачник, смешной и нелепый, он, казалось, был любим всеми и всегда, распространяя вокруг себя радость и смех. Однако реальная жизнь Чарльза Спенсера Чаплина была совсем другой. Он не был американцем, не был неудачником, да и смешным он умел быть только на сцене или на экране. Все, чего он достиг, представляло такой же контраст с тем, с чего он начинал, как образ бродяги Чарли — с настоящим Чарльзом Чаплином, миллионером, франтом и ловеласом, рыцарем-командором ордена Британской империи.

Чарльз Спенсер Чаплин родился в восемь часов вечера 16 апреля 1889 года в Лондоне. Его родители были артистами: отец, Чарльз Спенсер Чаплин-старший, пел в мюзик-холлах, а мать, Ханна Чаплин, под псевдонимом Лили Харли выступала в ролях субреток в варьете. Чаплин, очень любивший мать, в своих воспоминаниях писал о ней: «У нее был прекрасный цвет лица, фиалково-голубые глаза и светло-каштановые волосы, падавшие ниже пояса, когда она их распускала. Мы с Сиднеем очень любили мать, и хотя, строго говоря, ее нельзя было назвать красавицей, нам казалось, что она божественно хороша. Те, кто знал ее, рассказывали мне потом, уже много лет спустя, что она была очень изящна, привлекательна и полна обаяния». Сидней — сводный брат Чарли — родился у юной Ханны от связи с неким лордом, с которым она в семнадцать лет сбежала в Африку. Вернувшись через два года в Англию, Ханна вышла замуж за Чарльза Чаплина, с которым у нее был роман еще до «африканской эпопеи», однако и с ним прожила недолго: уже через год после рождения Чарли она ушла от мужа, который слишком часто прикладывался к бутылке. Чаплин писал: «Отец, тихий, задумчивый человек с темными глазами, тоже был актером варьете. Мать говорила, что он был похож на Наполеона. Он обладал приятным баритоном и считался хорошим актером. Отец зарабатывал сорок фунтов в неделю, что по тем временам было очень много. Все горе было в том, что он сильно пил; мать говорила, что поэтому они и разошлись. Но в те времена актеру варьете трудно было не пить — во всех театрах продавали спиртное, и после выступления исполнителю даже полагалось зайти в буфет и выпить в компании зрителей. Некоторые театры выручали больше денег в буфетах, чем в кассах, и кое-кому из «звезд» платили большое жалованье не столько за их талант, сколько за то, что большую часть этого жалованья они тратили в театральном буфете. Так многих актеров погубило пьянство, и одним из них был мой отец». После разрыва с Ханной Чаплин-старший скоро завел новую семью и редко вспоминал про законную супругу и сына.

Поначалу Ханна, пользовавшаяся немалой популярностью, могла сама содержать себя и детей. Однако со временем у нее стал пропадать голос — ее главное сокровище. Именно из-за этого маленький Чарли впервые выступил на сцене: однажды на гастролях голос у Ханны сорвался, и чтобы хоть как-то утихомирить публику, директор труппы вывел к зрителям пятилетнего мальчика, который, совершенно не стесняясь, исполнил несколько популярных песенок. Это было первое выступление Чарли — и последнее его матери.

Лишившись основного дохода, семья Чаплинов все глубже погружалась в бедность. Постепенно растратив все сбережения, распродав все ценное, что было, и даже попытавшись — безрезультатно — через суд выбить алименты из Чаплина-старшего, Ханна с детьми впали практически в нищету. «Это было унылое, безрадостное существование. Матери почти невозможно было найти работу — кроме актерского ремесла, она ничему не была обучена. Маленькая, хрупкая, впечатлительная, она должна была бороться в трудных, непосильных для нее условиях Викторианской эпохи, когда богатство и бедность достигли крайних пределов», — писал Чаплин. Иногда ей удавалось заработать, обшивая соседок, но денег катастрофически не хватало. Когда положение стало совсем отчаянным, Ханна решила вместе с детьми уйти в работный дом.

Работные дома — заведения, где давали оплачиваемую работу и кров в обмен на подчинение весьма строгим правилам, — были созданы с целью помочь армиям нищих и безработных, однако в реальности они превратились в подобие тюрем для тех, кто не преступил закон. Чтобы добровольно поселиться в нем, нужно было дойти до последней степени отчаяния. К тому же детей там помещали отдельно, что для чувствительной и очень привязанной к детям Ханны было дополнительным источником страдания, однако другого выхода не было. В 1895 году Чаплины поселились в Лэмбетском работном доме, откуда через три недели Чарли и Сиднея перевели в Хэнуэльский приют, расположенный в два-

дцати милях от города. Чтобы встретиться с сыновьями, Ханна шла на хитрость — заявляла об уходе из рабочего дома, целый день проводила вместе с детьми, а вечером просила принять ее обратно.

Чарли пробыл в Хэнуэлльском приюте больше года — по сути, это было первое образовательное учреждение, которое он посещал, хотя мать тоже по-своему заботилась об образовании сыновей. «Теперь, когда нас окружала бедность, мы неизбежно переняли бы корявую речь трущоб, если бы мать перестала за этим следить, — писал Чаплин. — Но она всегда внимательно прислушивалась к нашей речи, исправляла наши ошибки и давала нам понять, что мы не должны говорить так, как наши соседи... Несмотря на ту нищету, в которой мы были вынуждены жить, она уберегла нас с Сиднеем от влияния улицы и внушила нам, что мы не просто нищие, что мы — не такие, как все прочие обитатели трущоб, что у нас — особая судьба».

Со временем Ханне удалось покинуть рабочий дом и забрать сыновей к себе, однако этот период относительного благополучия длился всего год. Ханна снова отправилась в добровольное заключение, а дети — в приют, где им однажды сообщили, что их мать потеряла рассудок и ее отправили в психиатрическую лечебницу.

Постоянный голод, стрессы и отчаяние подточили рассудок Ханны Чаплин. Она то впадала в буйство, то уходила в себя и переставала узнавать даже сыновей. Пока мать была в лечебнице, дети жили — по решению суда — у Чарльза Чаплина-старшего и его новой жены (к явному неудовольствию последней), а когда Ханна наконец вышла, она с сыновьями поселилась в маленькой квартирке на Кеннингтон-роуд. Чарли наконец стал ходить в школу, но вскоре учебу пришлось бросить ради работы: отец по знакомству пристроил восьмилетнего Чарли в детский ансамбль клогданса (похожий на чечетку танец, исполнявшийся в башмаках на деревянной подошве) «Восемь ланкаширских парней», где тому полагался стол, кров и еще полкроны в неделю.

Ансамбль был весьма популярен, и нередко ребятам приходилось выступать по 2–3 раза за вечер. Репортер мюзикольной газеты *Magnit* описывал одно из выступлений «Парней»: «Этот яркий и живой номер, с крупницей истинной «соли», подарили театру-варьете «Восемь ланкаширских парней», чье мастерство переоценить невозможно. Уильям Джексон представлял публике восемь отлично обученных мальчиков, которые танцуют один из лучших клогдансов, какой только можно вообразить. Номер хорош своей необычностью, исполнители смело бросаются в море новизны.

Каждый из «Ланкаширских парней» — прекрасный образец юноши, и все они дарят нам десять приятнейших минут...» Кстати, среди «Восьми парней» были две девочки — дочери Джексона, — но публика этого не замечала. Много времени ансамбль проводил в разъездах по провинции, и хотя Чарли старался посещать школы везде, куда заносила его гастрольная судьба, учебной это было назвать сложно: гораздо больше он узнавал, наблюдая из-за кулис за взрослыми актерами. На рождественские праздники «Парней» пригласили принять участие в пантомиме «Золушка», которая давалась в лондонском «Ипподроме»: Чарли играл кошку, и его ужимки и выходы немало веселили публику. В ансамбле он было выдвинулся в солисты, однако уже через несколько месяцев из-за начавшейся у Чарли астмы танцы пришлось оставить.

В мае 1901 года от водянки и алкоголизма умер Чарльз Чаплин-старший. После его смерти Ханне и сыновьям досталось всего полсоверена и его старый костюм.

Снова наступила нищета. Сидней был вынужден бросить школу и работать разносчиком телеграмм, Ханна зарабатывала шитьем, но этих денег еле хватало на жизнь. В конце концов, Чарли тоже оставил школу: он продавал цветы и был рассыльным, работал в приемной врачей, в типографии и стеклодувной мастерской, был слугой и продавцом в магазине канцтоваров, но из-за юных лет и низкого роста нигде подолгу не задерживался. Наконец Сиднею удалось устроиться горнистом на пароход — его огромный для нищих Чаплинов заработок в два с лишним фунта в месяц позволил семье немного перевести дух. Но когда он заболел и его ссадили на берег в Кейптауне, Ханна снова попала в психиатрическую клинику. Она так никогда и не поправилась, хотя Чаплин не жалел денег на врачей.

Удивительно, но даже в постоянной борьбе с нищетой Чарли не забывал о своей мечте. «Чем бы я ни занимался, я, как и Сидней, помнил, что все это временно и, в конце концов, я стану актером, — писал он. — Перед тем как поступить на очередное место, я начищал башмаки и костюм,

надевал чистый воротничок и отправлялся в театральное агентство на Бэдфорд-стрит, возле Стрэнда». Когда Чарли было 12, мечта исполнилась: его взяли играть в самом настоящем спектакле. Когда ему вручили текст роли, Чарли больше всего боялся, что его попросят что-нибудь прочесть — увы, читать он мог еле-еле, и роль выучил с помощью брата, который зачитывал ему реплики вслух.

Первую пьесу, в которой играл Чарли, критики разгромили в пух и прах — однако похвально отозвались о Чарли: «Единственное, что спасает пьесу, это роль Сэмми — малыша-газетчика, этакого продувного лондонского уличного мальчишки, вызывавшая смех зрителей. Достаточно банальная и избитая, она была, однако, очень забавна в исполнении юного Чарльза Чаплина, способного и темпераментного молодого актера. Мне еще не приходилось слышать об этом мальчишке, но я надеюсь в самом ближайшем будущем услышать о нем немало», — писал один из критиков. Зато следующий спектакль — «Шерлок Холмс» — с успехом игрался по всей Англии. С каждой новой пьесой Чарли набирался опыта, оттачивая врожденный талант в ежедневных спектаклях. Актерам варьете, каким был Чаплин, было необходимо многое уметь: кроме собственно актерской игры они должны были петь и танцевать, владеть техникой пантомимы и импровизации, играть на музыкальных инструментах. Актеры обучались непосредственно на сцене, и те, кто прошел эту жестокую школу, закалялись снаружи и внутри.

По некоторым данным, в то время Чаплин впервые женился: ему было шестнадцать, его жене еще меньше. У супругов будто бы даже родился сын Сидней, который после развода — последовавшего довольно быстро — остался у Чарли. Характерно, что ни об этом браке — если он был, ни о сыне Чаплин в своей биографии не упоминает ни слова.

В феврале 1908 года Чарли получил ангажемент в театральной антрепризе Фреда Карно, ставившей пантомимы и музыкальные комедии для целого ряда мюзик-холлов по всей стране. Уже скоро Чарли играл ключевые роли во мно-

гих постановках и стал одним из самых популярных комиков на английской сцене. Во время гастролей Чарли влюбился в юную танцовщицу Хетти Келли — в своих воспоминаниях он называл ее своей первой настоящей любовью, — однако, по его собственному признанию, все закончилось на пятом свидании.

В 1910 году труппа Карно выехала на гастроли в США: полтора года прошли в разъездах по стране, от Восточного побережья до Западного, через все более-менее крупные города. Чаплин был очарован Америкой и с сожалением собирался возвращаться на родину. Перед отъездом он зашел к гадалке. «Она раскинула карты и внимательно стала их разглядывать, а затем посмотрела на мои руки, — вспоминал Чаплин. — «Вы сейчас думаете о дальнем путешествии, и вы уедете из Штатов. Но скоро вернетесь и займетесь новым делом, не тем, чем сейчас... Ну да, почти то же самое дело, а все-таки другое. И в этом новом предприятии у вас будет очень большой успех. Я вижу, вас ждет блестящая карьера, но что это за дело — я не знаю... Женитесь вы три раза. Первые два брака будут несчастливые, но конец вашей жизни вы проведете в счастливом браке... Да, вы наживете огромное богатство — такая рука умеет делать деньги».

Через пять месяцев после возвращения в Англию Чарли снова отплыл в США — на прославленном корабле «Олимпик», счастливом брате печально знаменитого «Титаника». Поначалу он играл в Балтиморе, но уже через несколько месяцев ему предложили работу на киностудии *Keystone Film*: два года назад один из основателей студии Мак Сеннет увидел Чарли на сцене и с тех пор мечтал поработать с ним.

Одна из первых американских киностудий, *Keystone* снимала типичные «полицейские» комедии-экспромты с погонями и драками, и Чарли поначалу не очень вписывался в довольно примитивные фильмы Сеннета. Однако именно в них — в комедиях «Невероятно затруднительное положение Мэйбл» и «Детские автомобильные гонки» — в 1914 году

Чарльз Спенсер Чаплин в своем кабинете, начало 1910-х гг.

родился тот самый Чарли, который станет на несколько десятилетий любимцем публики по обе стороны океана. Вот как сам Чаплин описывает этот момент:

На следующий день после того, как я кончил сниматься у Лермана, Сеннет вернулся с натурных съемок... Я был в своем обычном костюме и, не зная, чем заняться, встал так, чтобы Сеннет не мог меня не заметить...

— Тут нужно что-нибудь забавное, — сказал он и вдруг обернулся ко мне. — Ну-ка, загримируйтесь. Любой комедийный грим подойдет.

...По пути в костюмерную я мгновенно решил надеть широченные штаны, которые сидели бы на мне мешком, непомерно большие башмаки и котелок, а в руки взять тросточку. Мне хотелось, чтобы в моем костюме все было противоречиво: мешковатые штаны и слишком узкая визитка, котелок, который был мне маловат, и огромные башмаки. Я не сразу решил, буду ли я старым или молодым, но, вспомнив, что Сеннет счел меня слишком молодым, наклеил себе маленькие усики, которые, по моему мнению, должны были делать меня старше, не скрывая при этом моей мимики. Одеваясь, я еще не думал о том, какой характер должен скрываться за этой внешностью, но как только я был готов, костюм и грим подсказали мне образ. Я его почувствовал, и, когда я вернулся в павильон, мой персонаж уже родился... Он очень разносторонен — он и бродяга, и джентльмен, и поэт, и мечтатель, а в общем это одинокое существо, мечтающее о красивой любви и приключениях. Ему хочется, чтобы вы поверили, будто он ученый, или музыкант, или герцог, или игрок в поло. И в то же время он готов подобрать с тротуара окурки или отнять у малыша конфету. И, разумеется, при соответствующих обстоятельствах он способен дать даме пинка в зад — но только под влиянием сильного гнева.

Согласно одной легенде образ Чарли родился в общей мужской примерной: Чаплин схватил широченные брюки Фатти Арбакля, крохотный пиджак Чарльза Эйвери, огромные ботинки Форда Стерлинга, маленький котелок тестя Арбакля и усы, предназначавшиеся для Мака Суэйна, которые Чаплин подстриг щеточкой, а свою характерную походку Чаплин перенял у старика по прозвищу Чудила Бинкс.

Поначалу Чарли — в рабочих материалах студии он тогда значился как Чейз — выступает как жулик и ловелас, однако постепенно в нем проявляются те качества, за которые зритель так ценил героев Чаплина: человечность, теплота,

трогательность и наивность. «Мой персонаж был не похож на образы других комиков и непривычен и для американцев, и для меня самого, — вспоминал Чаплин. — Но стоило мне надеть «его» костюм, и я чувствовал, что это настоящий живой человек. Он внушал мне самые неожиданные идеи, которые приходили мне в голову, только когда я был в костюме и гриме бродяги». После нескольких картин Чаплин упросил Сеннета дать ему возможность снимать фильмы самостоятельно, и его картины начинают пользоваться неожиданно большим успехом. Рекламные афиши студии гласили: «Готовы ли вы к чаплинскому буму? Еще никто не прославился так быстро, как Чарльз Чаплин, знаменитый комик Карно, в комедиях «Кистоуна!»» Когда срок годового контракта с *Keystone* истек, Чаплин перешел в *Essenay Film*, потребовав невероятную сумму — 1250 долларов в неделю плюс 10 000 долларов в момент подписания контракта (в *Keystone* он получал всего 150 долларов в неделю). По рассказам самого Чаплина, глава *Essenay* Джордж Спур ничего не знал о его фильмах и был весьма рассержен тем, что его подчиненные подписали контракт на такую огромную сумму с каким-то англичанином. Однако, как только о контракте написали газеты, на него обрушилась волна поздравлений. Тогда Спур решил произвести опыт: «Он дал посыльному двадцать пять центов и велел ему пробежать по всему отелю, громко вызывая меня по имени: «Мистер Чарли Чаплин!» Немедленно начали собираться люди, и вскоре вестибюль отеля был забит народом. Сенсация, вызванная моим именем, явилась первым доказательством моей популярности», — вспоминал Чаплин. Вторым было то, что еще не законченный фильм купили все кинопрокатчики страны.

Чарли Чаплин оказался как нельзя лучше подготовлен для американского кинематографа, немного и непрофессионального, создававшегося любителями-энтузиастами и случайными людьми. Его театральная выучка, отточившая его выразительность, комедийный талант и способность к импровизации не имели себе равных среди киноактеров того

времени, а умение выстроить движение, найти ритм картины, выразить настроение и чувства минимумом средств было просто уникальным. Трюки в своих фильмах — драки, погони, столкновения — он ставил и репетировал, как хореографический номер. Недаром ни один из актеров, занятых в его фильмах, ни разу не получил травмы — за исключением самого Чаплина, однажды поранившего нос металлическим фонарем.

Кроме того, если большинство киностудий раз за разом эксплуатировали однажды найденный шаблон и снимали фильмы одного жанра и стиля, Чаплин не боялся ломать стереотипы и учиться новому. Для него, едва умевшего читать, а великие произведения литературы знавшего лишь по театральным афишам, учение всегда было необходимо как воздух. «В мире существует своеобразное братство людей, страстно стремящихся к знаниям, — писал он. — И я был одним из них. Но мое стремление к знаниям было не так уж бескорыстно. Мною руководила не чистая любовь к знанию, а лишь желание оградить себя от презрения, которое вызывают невежды». Все свободное время он проводил у букинистов, где по дешевке скупал все книги подряд — от словаря латинских выражений до монографий по экономике. Кстати, именно благодаря чтению Чаплин без потерь пережил банковский крах 1929 года: прочтя в одной книге, что безработица ведет к сокращению прибылей, он за несколько месяцев до кризиса продал все свои акции. Друзья, которым он советовал сделать то же самое и которые не послушались его, сочли его либо гениальным мошенником, либо близким к правительственным кругам, из которых он и получил столь важную информацию...

Для *Essenay* Чаплин за год снял 12 фильмов — по одному в месяц. Звездой фильмов этого периода была Эдна Первиэнс — нашли ее, по рассказам очевидцев, совершенно случайно. Это сейчас каждую киностудию осаждают тысячи девушек, желающих сняться в кино, а тогда актрис приходилось искать самим студиям. Чаплин отсмотрел не один

Чарли Чаплин и Эдна Первиэнс в фильме «Бегство в автомобиле», 1915 г.

десяток актрис, хористок и танцовщиц, но так никого и не нашел. Наконец ему посоветовали заглянуть в одно кафе, где часто бывает очень хорошенькая девушка. Ею и оказалась Эдна, не только сыгравшая главные роли в нескольких лучших фильмах Чаплина, но и — на некоторое время — занявшая главное место в его сердце.

К концу 1915 года Чарли Чаплин был уже невероятно популярен. Он вспоминал: «Длинные очереди у касс кинотеатров говорили о том, что в Лос-Анджелесе я пользуюсь успехом, но я еще не отдавал себе отчета, каких размеров достигала моя популярность в других местах. В Нью-Йорке, например, во всех универсальных магазинах и даже в аптеках продавались игрушки и статуэтки, изображавшие меня в роли бродяги. Герлс в ревю «Зигфелд Фоллис» показывали чаплиновский номер, уродуя себя усиками, цилиндрами, огромными башмаками и мешковатыми штанами, они пели песенку «Ах, эти ножки Чарли Чаплина». Фирмы, торговавшие книгами, готовым платьем, свечами, игрушками, сигаретами и зубной пастой, засыпали меня всяческими деловыми предложениями. Груды писем, приходивших от моих поклонников, стали для меня проблемой». Когда Чаплин — впервые в качестве кинозвезды — отправился в Нью-Йорк,

на каждой станции его встречали как национального героя, а в самом Нью-Йорке собрались такие толпы, что полиция предпочла вывезти его в обход вокзала.

Его еще не узнавали без грима, но его героя в нелепом черном котелке, мешковатых штанах и растоптанных башмаках любили зрители по всей стране, чувствуя в нем родственную душу, видя в нем товарища по несчастью. В свои роли Чаплин вложил весь свой жизненный опыт и талант, воспоминания о нищете и детские мечты, умение бороться с обстоятельствами и желание смеяться, несмотря ни на что. Его Чарли, смешной и нелепый, трогательный и несчастный, был в то же самое время удивительно стойким, добрым, светлым душой и мыслями, верящим в любовь и красоту мира. В годы, когда революции, войны и экономический кризис лишали людей душевного спокойствия и уверенности в себе, образ Чарли — всегда жертвы, всегда слабого, но все равно непобедимого, неуязвимого и радующегося — вселял в них надежду, радость и веру в счастье.

В Нью-Йорке Чаплин заключил новый контракт — со студией *Mutual Films*: на этот раз на 10 тысяч в неделю плюс 150 000 при подписании контракта: подпись была поставлена в присутствии журналистов, и уже вечером об этом узнала вся Америка. А уже через год он подписал контракт с *First National Pictures* на миллион долларов, став самым высокооплачиваемым актером того времени. Правда, сам Чаплин мало что получил от своей славы, кроме денег. Он не любил светские сборища, редко общался с публикой, у него было очень мало друзей. Он общался с братом Сиднеем (который, приехав в США следом за Чарли, заменил его в качестве ведущего комика *Keystone*), актерами Дугласом Фербенксом и Мэри Пикфорд и несколькими людьми, не имевшими отношения к кино. Отношения с женщинами у него тоже не складывались — вялотекущий роман с Эдной Первиэнс доставлял им обоим больше беспокойства, чем приятных эмоций, к тому же она все больше времени проводила не с Чаплином, а с актером Томасом Мейганом. Толпы